

Алексей БОЧАРОВ

УрГУ,
г. Екатеринбург

*Социальная мифология: географический фактор
О специфике социального мифотворчества
в северных нефтегазоносных регионах России
(на примере Ямало-Ненецкого автономного округа)*

Проблема формирования социальной мифологии стала одной из приоритетных в современном социальном знании. Однако, на мой взгляд, в этих исследованиях слабо изучена локальная мифология. Подобная тематика очень важна с учетом географических масштабов России и различий между ее отдельными регионами. Дело в том, что на отдельных пространствах, во многих частях страны воздействие локальных факторов на социальное мифотворчество бывает настолько внушительным, что оно перекрывает навязываемую из центра палитру информационно-идеологических приоритетов.

Убедится в этом мне пришлось во время работы в Ямало-Ненецком автономном округе в редакции регионального журнала «Деловой Ямал». Поскольку, во-первых, наблюдения проходили непосредственно в регионе и, во-вторых, для наблюдения была возможность профессионально задействовать каналы коммуникации через возглавляемую мной редакцию СМИ, есть основания считать сделанные

выводы достаточно объективными.

Проблема конструирования и исследования социальных мифов в Ямало-Ненецком автономном округе заслуживает специального рассмотрения. Именно на этом примере можно осознать, насколько важны упомянутые выше локальные факторы в социальном мифотворчестве. В позиционировании этого региона ключевую роль играют его географическая удаленность, суровые природно-климатические условия, низкая плотность населения и, конечно, огромный вклад в создание топливно-энергетической базы России и зарубежных государств за счет освоения крупнейших газовых месторождений. Перечисленные особенности влияют на возникновение так называемой «северной мифологии».

О каких доминирующих мифах идет речь?

Край трудового подвига. Это утверждение в форме лозунгов активно внедрялось в массовое сознание еще со времен открытия первых газовых залежей, освоение которых в 70-80-х годах прошлого века в

СССР считалось приоритетной задачей. Поэтому главным транслятором этого мифа являлось государство. Масштабность реализуемых производственных проектов (месторождения Уренгойское, Ямбургское, Медвежье и др., газопровод «Уренгой-Помары-Ужгород», возведение новых городов в зоне тундры: Надым, Новый Уренгой и др.) способствовала активному закреплению установки на локальный патриотизм в социальной памяти. Средствами внедрения мифа были пропагандистские фильмы, песни, торжественные церемонии награждения, другие свойственные советской эпохе формы чествования «героев-первопроходцев». Для усиления воздействующей силы мифа зачастую опускались сведения о рациональных индивидуальных мотивах «переезда для работы на Север» (получение «северного» стажа, льготного пенсионного обеспечения, высокой заработной платы, ускоренное накопление материальных благ для скорейшего возврата в центральные и южные регионы страны).

«Уникальность» жителей. Действительно, как уже было сказано, условия Ямало-Ненецкого автономного округа во многом уникальны. Миф «особенности и уникальности» проник в социальную среду также из-за географической удаленности региона и ограниченной мобильности и компактного проживания населения, что вызва-

ло эффект закрытости от внешней среды. Тот факт, что в регион для работы и проживания приезжали рядовые граждане со всех концов бывшего СССР, которые лишь после нескольких лет нахождения в условиях информационной и социальной ограниченности закономерно обретали «особенные» черты (не такие, как у жителей «на земле»), обсуждается редко. Напротив, в массовом сознании иррациональной основой мифа была «изначальная, природная» уникальность жителей. Логично вытекающие из узости социальных контактов индивидуальные психологические черты (эмоциональная черствость, «сильный» характер) под воздействием мифа рассматриваются априори как положительные и даже выдающиеся.

На Севере очень высокие стандарты жизнеобеспечения. Миф примечателен в том смысле, что получил распространение и эксплуатируется за пределами северных регионов даже шире, нежели в их пределах. Система высоких заработных плат и социальных преимуществ для жителей районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей активно внедрялась в СССР как стимул для активного переселения «первопроходцев» с целью вышеупомянутого форсированного освоения запасов углеводородных ресурсов. Причем административно-территориальное устройство страны в те годы позволя-

ло поддерживать особый статус северных регионов, жестко регулировать миграцию, что способствовало усилению привлекательности хотя бы временного переезда на Север (по принципу «запретный плод сладок»).

С отменой прежних форм государственного регулирования северные территории стали подвержены влиянию общестрановых кризисных процессов (безработица, кризис неплатежей, неконтролируемая внешняя миграция из стран СНГ, отставание уровня доходов от инфляции, особенно в бюджетной сфере). Однако эти факты не вошли в общественное сознание столь прочно, сколь миф о «северных островах социального благополучия». Укорененность этого мифа корыстно используют мошеннические структуры в других регионах страны, «заманивая» желающих найти работу «высокооплачиваемой вахтой на Севере», за которой, как правило, кроется лишь мошенничество. Еще один аргумент для развенчания социального мифа о богатом Севере – досуговая ущемленность местных жителей из-за низкого уровня развитости сферы услуг (одна из причин асоциальных явлений: алкоголизма, наркомании, суицидов).

Другие мифы. Главное — коллектив. Миф о «Газпроме». Север — это временно, скоро уеду «домой». Эти и другие схожие мифологизированные представления распрост-

ранены внутри регионов, среди жителей северных территорий. В частности, коллективистско-корпоративные мифы (характерны для социумов, образуемых коллективами крупных газодобывающих предприятий) провоцируют однородность регионального политического пространства, не предполагающего наличие организованной оппозиции даже в зачаточных формах. Американский исследователь Л. Беннет в этой связи справедливо утверждал, что мифы употребляются как модели для экспликации ценностей и верований, из которых формируется общественное мнение, а также что мифы подготавливают публику к восприятию могущественных символов, употребляемых политиками.

Послесловие. При анализе социального мифотворчества в удаленных северных регионах важно исходить из понимания конструктивной роли социальных мифов. Социальные мифы тесно связаны со стереотипами, наличие которых характерно для любого уровня сознания. Стереотипы выполняют важнейшую ориентировочную функцию. Описанная выше мифология создавалась в действительно экстремальных условиях, когда, обживаясь на новых территориях, люди нуждались в тех эмоциональных компенсаторах, которые им не могли дать рациональное знание. Как отмечает отечественный социальный исследователь С. Белоусо-

ва, наиболее активно мифологизированное сознание проявляется, когда привычные нормы не работают и построенные на их основе рационализированные модели становятся неадекватными; высвободившееся смысловое пространство оккупруется образованиями, способными отобразить нарастающую неопределенность.

Удаленные районы проживания и тяжелые климатические и социально-бытовые (особенно, на начальных этапах освоения территорий) условия провоцировали в со-

знании «покорителей Севера» чувство неопределенности. Сформировавшиеся за счет этого социальные мифы сегодня позволяют ощущать необходимые идейные основы для социализации в специфических условиях российского Севера. Но в то же время нельзя забывать, что они препятствуют изменениям массового сознания сообразно динамике социальных условий и «консервируют» ряд социальных установок, мешая реагированию на актуальные вызовы современности.